

Практическая подготовка остается основным средством проверки результативности овладения комплексом компетенций, причем, в случае с производственной практикой, под контролем работодателя. Благодаря этому в процессе практической подготовки возникает обратная связь, позволяющая вносить коррективы в образовательные траектории в зависимости от запросов работодателей. Таким образом, практическая подготовка позволяет расширять сферу применения освоенных в процессе обучения компетенций, так как обучающиеся получают возможность творчески подойти к использованию основных профессиональных и дополнительных (индивидуальных) навыков, чтобы в зависимости от ситуации использовать их на производстве.

Список литературы

1. Политика в области качества Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарёва. URL: <https://mrsu.ru/ru/university/about/politika-v-oblasti-kachestva/>.

УДК 130.2

Морозов Игорь Вячеславович,

доктор культурологии, профессор,
профессор кафедры менеджмента социально-культурной деятельности
Белорусского государственного университета культуры и искусств

ИНКЛЮЗИОГЕНЕЗ КУЛЬТУРЫ: АСПЕКТЫ АКТУАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Аннотация: Общепризнанные кризисные проявления в современной культуре обусловлены отчуждением, исключением обычного человека из культурогенеза и его дезориентацией в социокультурной динамике. Закономерным ответом на этот деструктивный вызов стали различные концепты восстановления гармонии человека-в-мире. Среди них выделяется инклюзия – активное и целенаправленное включение, вовлечение человека во все сферы духовной жизни и творчества. Сегодня она признана

парадигматическим явлением в художественной культуре, образовании, гуманитаристике в целом. За несколько десятилетий эта принципиальная трансформация в культуре обрела свою трендовую семантику, позволяющую определить ее истоки, периоды становления и развития, что позволяет говорить о инклюзиогенезе культуры. В свою очередь он синкретически проявляется в различных актуальных аспектах, среди которых партиципация, средовая диалогичность, вопрошание, синергичность, контекстуальность, иммерсивность.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзиогенез, партиципация, среда, диалог, вопрошание, контекст, синергия, культура, познание, образование.

Morozov Igor Vyacheslavovich,

DSc in Cultural Studies, Professor, Professor of the Department of Management of Socio-Cultural Activities of the Belarusian State University of Culture and Arts

INCLUSIOGENESIS OF CULTURE: ASPECTS OF THE CURRENT PARADIGM

Abstract: Generally recognized crisis manifestations in modern culture are caused by alienation, exclusion of an ordinary person from cultural genesis and his disorientation in socio-cultural dynamics. Various concepts of restoring human-in-the-world harmony have become a natural response to this destructive challenge. Among them, inclusion stands out – active and purposeful inclusion, involvement of a person in all spheres of spiritual life and creativity. Today it is recognized as a paradigmatic phenomenon in artistic culture, education, and humanities in general. For several decades, this fundamental transformation in culture has acquired its trend semantics, which allows us to determine its origins, periods of formation and development, which allows us to talk about the inclusiogenesis of culture. In turn, it syncretically manifests itself in various topical aspects, including participation, environmental dialogicity, questioning, synergy, contextuality, and immersiveness.

Keywords: inclusion, inclusiogenesis, participation, environment, dialogue, questioning, context, synergy, culture, cognition, education.

Общая характеристика современного человека акцентирует его духовное нивелирование, почти аннигиляцию в поглотившей его стремнине бытия. В результате «свобода мышления изъята из употребления», а личность обречена на разобщенность, «ограниченное, блуждание в дебрях

бесчеловечности», уступив свое «право на духовную самостоятельность» - вынужденность брести «унылой дорогой в унылое время» [8, с. 48-49].

Такая отнюдь не радужная констатация состояния человека-в-мире подвигло парадигматическое осмысление феномена инклюзии (включения) и усмотрение метафизики инклюзивного человека, Homo inclusive. Главной его чертой и стала собственно включенность, подразумевающая достаточно гармоничную встроенность в бытие, озабоченность им. То есть в первую очередь духовную приобщенность к общечеловеческому осуществлению, которое есть экзистенциальное выражение для бытия «существования», раскрывающее основное понимание бытия в мире [7, с. 21].

Истоки становления и развития современного концепта инклюзии, инклюзиогенеза обнаруживаются в узкоспециальной сфере. Всего десятилетие назад «инклюзия» означала включение детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в общеобразовательный процесс. Затем инклюзия стала отражать степень включения всем возрастным групп с физической и ментальной инвалидностью.

На современном этапе инклюзиогенеза семантика инклюзии углубляется до философских обобщений, охватывающих все полноту существа человека-в-мире и повлекших таких понятий, как инклюзия культуры и культура инклюзии. В их недрах акцентируется полиаспектная проблема сохранения индивидуальности и идентичности личности-культуры. То есть слияния без растворения, включение без поглощения.

Принципиальной особенностью инклюзии при этом признается ее синергетический характер, диалектика бытия-становления. Ведь «инклюзия - это не итог, не пункт назначения, но возрастание степени участия в общественной жизни и уменьшения исключения из культуры [5, с. 439]. Именно эта континуальность и раскрывает саму суть инклюзиогенеза культуры.

В его контекст и феномен партиципации (лат. participatio — участие, причастность). Впервые о нем как о людском соучастии и сотворчестве, заявил Л. Леви-Брюль, исследовавший первобытное «пралогическое» мышление. В

нем было обнаружена универсальная закономерность: духом партиципации устанавливается сопричастность и тождество между индивидом и тотемом. [4]. И спустя тысячелетия в этой закономерности изменилась разве что соотношение мистического, сакрального и рационального, прагматического. Поэтому естественен интерес к этому феномену в нашу эпоху господства наукоцентризма и рациональности, обнаружившей угрозу духовности. Современная партиципация начинает охватывать самые различные сферы жизнедеятельности. Однако наиболее ярко и последовательно она проявилась в крупных городах, мегаполисах. Ожидалось, что они станут сосредоточением социальности и культурности, благодаря пространственной близости, концентрации, функциональной связности миллионов горожан. Однако в реальности произошло обратное – бытие в них отзывается в индивиде «безразличием и приступами замешательства», безотчетной ненавистью и враждебностью к «одностороннему существованию» [1]. Отсюда столь распространены стали темы и образы отчужденности, покинутости, одичалости, заброшенности «одномерного человека» (Г. Маркузе).

Сегодня вполне активно горожане привлекаются к принятию решения относительно качеств среды их обитания, ее благоустройства и комфорта. Причем это происходит в максимально плодотворных условиях с пиететом к доступности, демократичности, либеральности. При этом каждый его соучастник испытывает чувство потребности, долга преобразовывать свой мир и тут же ответственности за принятое решение. С точки зрения самоутверждения личности это, пожалуй, принципиальный результат партиципации.

Такое становится возможным благодаря установлению принципа диалогичности в инклюзии личности-социума, который сегодня всячески интерпретируется в расхожей проблематике Я-Другой, которая априори обнаруживается не в инертном, но в содержательном окружении - в среде не только комфортной, бесконфликтной и безопасной, но и обязательно морально-нравственной, художественно-эстетической.

Следовательно, средовое мышление-подход – также имманентный протест, вызванный тотальным исключением человека из процесса преобразования мира в соответствии со своим представлением о добре и красоте. Так обозначен крах догмата функционализма и позитивизма, долгое время господствовавших в организации нашего бытия, которое все более стало походить на конгломерат безликих и однообразных, «стандартных» пространств. То есть выражено взлание инклюзии, погружения в многомерный мир образов-переживаний. И чувствовать себя не на периферии, но в середине полноценной жизни. Одно только слово «среда» отсылает воображение к сложной реальности, улавливаемой, скорее, интуитивно, чем посредством логических процедур. Ведь «среда» в отличие от «пространства» имеет емкое временное содержание-измерение. Причем, в синхронном и диахронном проявлении, преисполняющим инклюзию в ход истории, в культурогенез, где только и обнаруживается смысл личностной судьбы как органичной части судьбы человечества.

Неспроста концепт создания благодатной среды надежно укоренился в педагогике, психологии, экологии, культуре в целом. «Средовое» собственно возникло в ситуации резко возросшей чувствительности к культурной проблематике, идеям «культурной экологии», как интенции на создание гармоничности среды-системы «человек-природа-культура», что можно считать основным аргументом образовательной инклюзии, требованной признанием устаревания самих критериев образованности.

В обозримом прошлом фактически безраздельно господствовала накопительная концепция. Мотивация для нее основывалась на соответствии отдачи-получения знаний функциональным устоям «общества потребления» с принципом «спрос рождает предложение». Тогда знания как продукт образования стали весьма востребованным товаром, имеющим вполне реальную и исчисляемую цену. Это и внушало убежденность в их количественно-накопительной природе и эффективности, подобно материально-вещественным богатствам. При этом не волновала скорость

устаревания знаний фактически в геометрической прогрессии. Попытка справиться с ней методами тестирования, только усугубили ситуацию, поскольку оно ориентирует на знание как таковое вне его роли и места к семантической картине мира, в динамичном контексте бытия. Оно провоцирует добывать его ныне почти повсеместно доступным «загугливанием», что только атрофирует чувство инклюзии в процесс генерации новых знаний.

В этой связи актуализировалась рефлексивная концепция образования, обозначившая обращение к качественной когнитивно-познавательной оценки всего образовательного процесса [9,10]. Ее главная интенция - обучение (образование) посредством совместного исследовательского процесса-результата сотрудничества «единомышленников», одинаково заинтересованных преподавателей-студентов. Приоритетная цель - достижение достаточно глубокого понимания и осмысленного, аргументированного рассуждения на рассматриваемую тему. Это подвигает не вспоминать, не заучивать, но думать-понимать всевозможные феномены-явления бытия в их онтологической и феноменологической взаимосвязи. Посему и дисциплинарные знания не считаются исчерпывающими, допускается, даже поощряется их многовекторная комплиментарность. В результате преподаватель целенаправленно высвобождается от априори авторитарного контроля и включается в общий дискурс, в дискуссию. Так что процесс образования направляется не на передачу-прием информации, но поиск-нахождение семантических и символических закономерности и проявлений всякого явления в мире по отдельности, а также в их холистическом единстве, тотальной инклюзии.

Однако и данная концепция представляется уже недостаточно продуктивной, перспективной, то есть не совсем адекватной плюрализму информационного общества. Следовательно, можно говорить об актуальности становления-развития соответствующей перспективной образовательной концепции, которую назовем контекстуальной. Ибо она основана на актуальной герменевтической парадигме в гносеологии и в целом в культуре.

Согласно данной ей образовательный процесс осуществляется инклюзивно в контекст определенного тематикой историко-культурологического текста. Следовательно, признается, что у него имеется преамбула-мотив, внутренняя логика, уникальный сюжет, смысловая канва, художественно-образные особенности, конкретные действующие лица-персонажи. Наконец, возможности развития, вполне прогнозируемые перспективы изменений. Все эти факторы-обстоятельства обуславливают интерпретацию происходящего в неограниченном множестве семантико-символических коннотаций.

В этой связи человек не стремится просто быть-иметь, но органично инклюзивно включается в динамический контекст кроссличного метакультурного текста, пространственно-временной связности ситуаций-событий. И в нем он вольно-вынуждено ищет-находит свое место-роль, смысл-предназначение. Это творческое отыскание и преисполняет весь спектр переживаний, вбирающих мотивацию к продуктивной гармонии с миром. Это гарантируется тем экзистенциальным фактом, что восприимчивый интерпретатор погружается в исследовательскую среду-контекст, где, в отличие предыдущих парадигм, априори доминируют «равноправные» субъектно-субъектные отношения, гармонично совмещающие и экстравертивные импульсы, и интровертивные переживания.

Благодаря этому и осуществляется полноценное самопознание человека-в-мире. Более того обозначается важность установления не истины в последней инстанции, но постоянного подтверждения творческого парадокса – диалектики «невозможного» и «реального». Это заставляет учиться обучению, понимать понимания, то есть откликаться на проблемы не как на свершившийся факт, но проектировать, предсказывать их. И так относиться и к ним, и к своему поиску-познанию как к любопытной, увлекательной, творчески продуктивной игре мысли-воображения - образовательной инклюзии, которая априори зиждется на межличностном общении (коммуникации). Ибо только на обмене смыслами, намерениями, планами, идеями возможно находить-иметь адекватное,

объективное представление о реальности происходящего. Так что мы обречены и должны общаться и мыслить совместно [3].

Признание этого факта послужило актуализации феномена вопрошания, которое имеет и интроспективный вектор - самовопрошание, где собственно и происходит ориентация-проискивание собственного жизненного пути в общей направленности. Так осуществляется инклюзия всякого человека, каждого этноса, следующих единым общечеловеческим путем культурогенеза. «Мы говорим для того, чтобы сказать друг другу, куда ведет путь» [6, с.128]. Мы попросту вынуждены вопрошать о правильном, верном, достойном подходе и дальнейшем образе действий-поступков, в результате чего и осуществляется культурная инклюзия, инклюзиогенез.

Таким образом, результаты контекстуального образования, если говорить формально, будут верифицироваться не ответом на экзаменационные вопросы-тесты, но вопросами, которые испытуемый задает по данной теме себе-преподавателю. В этом творческом событии можно обнаружить элементы игры, дотошно-любопытной детскости. В этом случае инклюзия, включение обогатится новым, более «душевным» звучанием, преисполнится - вовлечением, увлеченностью.

Всякое общение с Учителем, должно удивлять и радовать откровением, будирующим вопрошание, наше врожденное, сугубо человеческое качество, начиная с детского мира сказок-чудес. Ныне это предельно актуально, поскольку волею цивилизационных судеб дети стали «инвалидами» в застенках тотального рационального прагматизма, дезинклюзии из него страха-радости, парадокса-тайны, удивления-восторга, «заоблачных» грез-мечтаний... Что тут удивляться пандемии аутизма и безразличия к своей собственной судьбе...

Неоднократно ученики приступали к Иисусу с обилием нескончаемых вопрошаний. Особый интерес вызывало касаемое Царства Небесного. И всякий раз они получали оригинальный ответ, исключительно в виде притч, преисполненный неожиданных метафор и аллегорий, глубинной символики. Окончательное истолкование этого таинственного явления Учитель отдавал на

волю воображения ученикам своим. Что не отталкивало внимающих, но еще более возбуждало и воодушевляло, словно детей, врожденных «почемучек». Неспроста Учитель нередко именовал их детьми и таковых ставил в пример. На очередной вопрос: кто больше в Царстве Небесном? «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». (Мф. 18.2). И его, казалось бы, странный и вызывающий призыв оставить свои дома, и родителей своих, и близких своих и следовать за ним можно понимать как отказ от заскорузлости знаний и веры, отречение от догматичного книжничества и законничества. Иными словами, осмысленно и прочувствованно сугубо лично, внутренне переродиться. Ибо Царство Небесное внутри каждого из них-нас есть.

Все это может интерпретироваться как перманентная интенция интереса-вопрошания, ведь бытие не статично – всегда тенденция, а не закон. Это «Еще-Не-Бытие» (Э. Блох), когда нельзя уповать на возможности и даже «возможности возможностей» (Н. Аббаньяно).

В постклассической науке, в современной картине мира в целом этот феномен предстает также образом-символом Пути - восточным безначальноконечным Дао. В естествознании это «Дао физики» (Ф. Капра). В философской антропологии, «глубинной психологии» - признание: личность - есть Дао (К. Г. Юнг). Сюда же необходимо включить принцип восточных гуру, никак не нажимающих своим авторитетом на ход рассуждений своих учеников, но всячески провоцирующих их к самостоятельности, оригинальности хода-течения мыслей, но не последних заключений, лишенных столь важных парадоксов и иррациональностей.

Знаменательна в этом отношении и «майевтика» Сократа, предполагающая поиск новых решений на основе опровержения, приведения своего собеседника в замешательство, «elenchos», дабы он не мнил себя владельцем истины. Ибо постичь ее душа в сократовском понимании не способна пока она «не беременна». Себя же Учитель предъявлял в качестве своего рода повивальной бабки, разве что принимающей роды души, которой

нужны не столько знания, сколько умение их вынашивать и «рожать». Удовлетворение приносило не то, что он преподавал, а ученик усвоил, но произведенное из себя-собой его собеседником: «Ясно, что от меня они не получили ничего, и лишь у себя самих нашли нечто замечательное, что и произвели; но и помогая им в этом деле, я награжден...». И осуществлялось это событие исключительно в форме доверительного диалога - «синергии» (содействия, сотрудничества) [2].

Сегодня синергетика обрела не только второе дыхание, но парадигматическую значимость, благодаря своей гносеологической ориентации не на факт-сталость, но на всеобщность перманентного становления. В таком дискурсе человек был-есть-будет творец-носитель-творение Культуры, что не только обуславливает инклюзию понимания, но актуализирует экзистенциальную заботу о поддержании динамического равновесия, гомеостазиса человека-в-мире. Такое феномен можно назвать активной инклюзией, иммерсивный театром-жизнью. Поскольку и само вопрошание высвобождается от ареола недопонимания, невежественности и обретает статус пытливой неудовлетворенности, перманентного творческого поиска в мире символов, которые, по определению, не имеют «абсолютного» смысла, законченной, «истинной» интерпретации. Посему мерой знания становится, должна стать беспрецедентная для обозримого прошлого категория - «вочеловеченность» (Маслоу). В ее контексте инклюзиогенез обретает и выказывает насущные аспекты-концепты: партиципацию, средовую диалогичность, вопрошание, синергичность, контекстуальность, иммерсивность.

Список литературы

1. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000. 80 с.
2. Джованни Реале, Дарио Антисери. Западная философия от истоков до наших дней, Т. 1. Санкт-Петербург: Петрополис, 1994. 185 с.
3. Дэвидсон Д. Общение и конвенциональность. Москва: Прогресс, 1987. 336 с.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. Москва: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

5. Раузе М., Лапхам К. Долгий путь навстречу инклюзии // Журнал исследований социальной политики, 2013. Т. 11. № 4. С. 439-456.
6. Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить. Москва: Канон+, 1997. 288с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. Москва: Академический проект, 2011. 460 с.
8. Швейцер А. Культура и этика. Москва: Прогресс, 1973. 344 с.
9. Lipman M. Thinking in Education. Cambridge, 1991. P. 7-25.
10. Sharp A.M. The Community of Inquiry: Education for Democracy //Thinking. 1991. Vol. 9. P.31-37.

УДК 78.05

Бирюкова Анна Николаевна,

магистрант Института современного искусства»,
педагог культурно-творческого сектора эстрадно-джазовой студии при
Российском национальном исследовательском медицинском
университета имени Н.И. Пирогова

РУССКАЯ ПЕСЕННАЯ ЛИРИКА: ПОИСК НОВЫХ ПОДХОДОВ

Аннотация: В статье раскрыты примеры новых подходов к русской песенной лирике, как способу популяризации отечественной музыкальной культуры, укреплению межнационального взаимодействия и развитию музыкальной терапии в медицинской сфере в Российском вузе.

Ключевые слова: песенная лирика, популяризация, импровизация, музыкальная культура, фольклор, джаз, традиции.

Biryukova Anna Nikolaevna ,

Graduate student of the Institute of Contemporary Art, teacher of
the cultural and creative sector of the pop and jazz Studio at the
Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov

RUSSIAN SONG LYRICS: SEARCH FOR NEW APPROACHES

Abstract: The article reveals examples of new approaches to Russian song lyrics as a way to popularize Russian musical culture, strengthen interethnic interaction and develop music therapy in the medical field at a Russian university.